

(128)

В БУКЕТИК ТРИ ГВОЗДИКА

В самые галантные времена о них сказали бы так: к тому, щедро одарила их природа, эти три молодые прекрасные женщины прибавили очарование своего искусства. И уж не преминули бы вспомнить о грациях, которых, как известно, тоже было три.

Мы встретились с ними — киноактрисой Дарьей МИХАЙЛОВОЙ, певицей Еленой ШКОЛЬНИКОВОЙ и художницей Анастасией АРХИПОВОЙ — в канун праздника женщин.

Наши небольшие интервью мы начинали и заканчивали одинаково.

— СКАЖИТЕ, — спрашивали мы в начале беседы, — О КОМ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ВЫ САМИ ВСПОМНИТЕ 8 МАРТА?

В конце беседы мы просили:

— ПОСОВЕТУЙТЕ НАМ И НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ, ЧТО ПОЖЕЛАТЬ ВАМ В ЭТОТ РАДОСТНЫЙ ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ, ЧТОБЫ НАШЕ ПОЖЕЛАНИЕ СОВПАЛО С ВАШЕЙ ЗАВЕТНОЙ МЕЧТОЙ?

Но, конечно, сам разговор складывался каждый раз по-своему.

Дарья МИХАЙЛОВА рассказывает:

— Я, конечно, прежде всего думаю о бабушке и маме. Их мнение практически по любой проблеме совпадает с моим.

— И свою профессию вы, надо думать, выбрали под их влиянием?

— Знаете, не совсем так. Я в детстве вдруг захотела сниматься в кино.

И вот, когда я услышала, что ищут исполнительницу роли девочки для фильма «Голубой портрет» — мне было одиннадцать лет, — я решила пойти.

Мама и бабушка меня отговаривали: «Да тебя же не возьмут». Но я стояла на своем. В конце концов они сдались. Пусть даже меня ждало разочарование. А меня как раз взяли.

— И с тех пор...

— С тех пор, как я уже сказала, мы были едины. Я сыграла уже восемь ролей. И сейчас, когда мне предлагают новую роль, сценарий читаем мы все.

— Даша, вы ведь играете в кино своих сверстниц?

— Не только. Старше меня Валентина в одноименном фильме режиссера Г. Панфилова по пьесе А. Вампилова «Прошлым летом в Чулымске», старше меня и Лида в «Звездепаде».

Но чаще, конечно, возраст совпадает, зато резко отличается

все другое: время, обстановка, быт. Конечно, и характер.

— Как же вам удается воплотить то, чего ваше поколение не испытало? Вот, скажем, в «Звездепаде» вы провозжаете молоденького бойца — свою первую любовь — на фронт...

— Мне кажется, что меняются ведь обстоятельства. Главное в людях остается неизменным. И я не думаю, как вели себя наши матери и бабушки в тех условиях, я просто занимаю сейчас их место.

— Скажите, хотели бы вы подружиться со своими героинями?

— Не знаю. Думала об этом — так не получается. Героини ведь не мои подруги, это я сама, какой была бы на их месте, в их обстоятельствах.

Хотя, конечно, я порой так себя не повела бы. Вот Валентина, наверное, другая, видимо, в чем-то сильнее, чем я.

— Любите ли вы свою профессию?

— Да, очень. Тем более что нахожусь ведь в самом ее начале. Я много думаю о театре. Так сложилось, что кино мне знакомо больше.

Я поступила на первый курс Театрального училища имени Б. В. Шуккина. В кино работаешь «по кусочкам». И каждый раз надо суметь сразу мобилизоваться. А в театре предстоит прожить жизнь человека подряд... У меня сейчас учеба занимает все мое время и все мои интересы.

— Может быть, вы хотите сказать о своих любимых актрисах?

— Да, конечно, только их очень много. Марецкая и Раневская, Неёлова и Гундарева, Муравьева и Соловей...

— Ну, и в заключение...

— О чем я мечтаю? Что ж, если можно, пожелайте мне прежде всего хорошей драматургии. Острой, свежей, яркой.

Я бы не отказалась ни от характерных ролей, ни от отрицательных. Но дело даже не в амплу. Дело именно в талантливости материала. Воплощать его — настоящее счастье.

— Моя мама, Мария Николаевна, — певица и мой самый первый педагог, — сказала солистка Государственного академического Большого театра Елена ШКОЛЬНИКОВА, — и моя благодарность ей даже больше простой дочерней благодарности.

Елена ШКОЛЬНИКОВА в роли Оскара («Бал-маскарад» Д. Верди).

Я стала петь... В четыре года я отвечала на традиционный вопрос «кем ты будешь?» однозначно — «певицей». Образ поющей моей мамы навсегда связался у меня с чем-то самым прекрасным, что бывает в жизни. Я окончила музыкальную школу, поступила в Гнесинку, но в пятнадцать лет на вокальный факультет не берут. Это было дирижерско-хоровое отделение, и я благодарна тем урокам, которые там получила и постаралась сохранить, — они мне многое дали.

В консерватории я занималась два года, а потом со мной случилось, может быть, главное чудо моей жизни. Подруга шла на урок к своему педагогу и взяла меня с собой. Я сидела в уголке и слушала... Видимо, я слушала так, что все, что я тайно, как мне казалось, чувствовала, было по мне видно, потому что преподавательница моего подруги вдруг спросила меня:

— Хочешь попробовать?

— Хочу!.. — выдохнула я.

Это была Елена Васильевна Образцова. С этого момента она взяла меня в свой класс, и жизнь моя стала заведомо интересной и значительной — просто потому, что я была рядом с этим человеком, видела и слышала ее.

Елену Васильевну любят, наверное, все, кого судьба хоть раз столкнула с ее творчеством, все, кто ее слышал, и я не знаю, смогу ли я сказать что-то новое об этой удивительной женщине.

С чего начать? С того, что она сейчас первое меццо-сопрано в мире? Но это знают, чувствуют многие, а вот какой она педагог, испытали только счастливые единицы. Она человек с колоссальной силой воли и с такой же эрудицией. Поет она академически безупречно, но так, что высочайшая выучка не мешает, а

лишь служит средством выражения ее человеческих качеств, свойств, пристрастий.

Это вовсе не простой вопрос — как соединить классическую школу с человеческой непосредственностью, с выражением сегодняшних, живых чувств. Но, когда я думаю об этом, мне помогает то, что передо мной встает ее образ.

Сразу же она стала ставить мне лучшие пластинки лучших певиц мира и по-деловому, но захватывающе комментировать их. Для нее это жизнь. И вместе с тем она очень непосредственна, человечна, порой почти до озорства. Пожалуй, надо остановиться, потому что я готова говорить о ней бесконечно.

— Разумеется, она не единственная певица, которая вам близка?

— У меня ведь не меццо, а лирическое сопрано. И здесь у меня есть свои привязанности. Прежде всего — Мирелла Френи, ее мягкость, красота тембра, лиричность.

— Как складывалась ваша артистическая судьба?

— Я прошла последовательно все положенные ступени. После аспирантуры была на практике в Большом театре, потом стажировалась там, потом стала солисткой.

Сначала пела, так сказать, партии второго плана. Бригитту в «Иоланте», Прилепу в «Пиковой даме», Ксению в «Борисе Годунове». Приняли мои дебюты хорошо, но я-то знала, что расстояние до совершенства огромно. Я старалась, но, наверное, и в самой старательности было что-то чрезмерное. Естественно, свободу надо было еще обрести. Не я должна была спеть хорошо — мои героини должны были захватить полной жизнью, и вся моя техника, все умение должны были послужить им в этом.

Эти роли для меня были этапными. Я бы прибавила к ним Сюзанну в «Свадьбе Фигаро». Это не просто моя дипломная работа в консерватории, но и серьезный этап в овладении ролью веселой, энергичной, деятельной служанки, которая вопреки социальному положению часто становилась истинным двигателем действия. Все это очень пригодились мне в партии Деспины («Так поступают все» Моцарта). Потом были роль пажа Оскара в опере Верди «Бал-маскарад», Антонида в «Иване Сусанине» и Марфа в «Царской невесте».

Эти партии русского классического репертуара — не просто новые роли, но и целый новый человеческий мир. Моцарт — ажурный, филигранный, грациозный, а, скажем, партия Марфы — раздолбая, глубокая, страстная...

— Конечно, оперой ваши интересы не ограничиваются?

— Певец должен владеть и камерным искусством.

Камерность — значит тонкость, умение сразу, «на пятак» входить в образ. Вообще петь надо не для себя, не для демонстрации красоты голоса, такие певицы тоже существуют, и по-своему неплохие, но все это не в русской традиции. Меня учили, что искусство выше, чем желание личного успеха, что оно должно объединять людей.

— Ну, а что насчет пожеланий...

— Учительница мной, в общем-то, довольна. Публика, кажется, меня не обижает. Мне бы хотелось, чтобы мое пение понравилось мужу — а он хотя и не музыкант, но самый строгий ценитель из всех, кого я знаю.